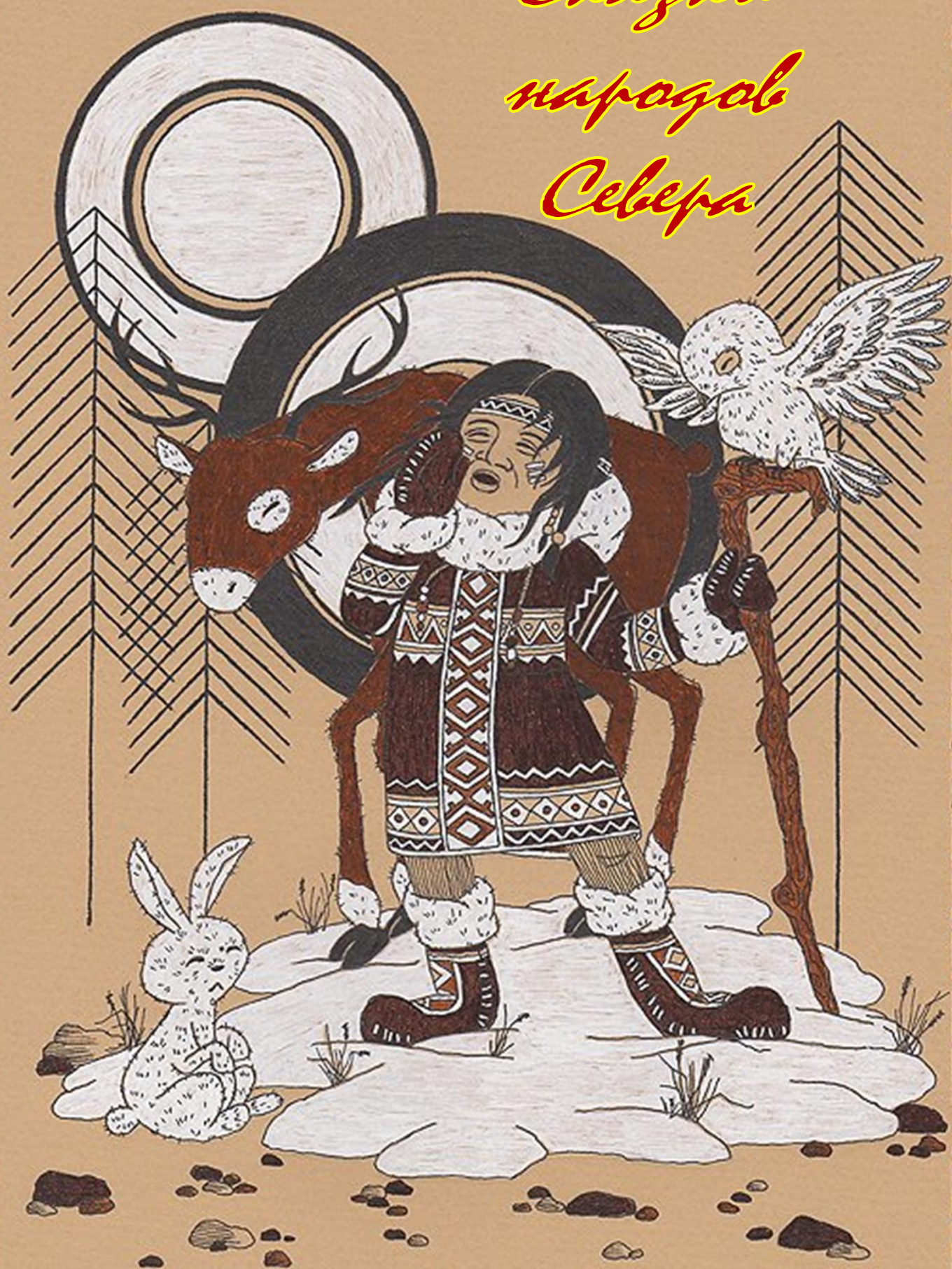

Сказки
нарозов
Севера

Для детей 5+

БЕРЕСТА, БРУСНИКА И УГОЛЕК

В одном чуме жили трое — береста, ягода брусника и горящий уголь. Они занимались охотой, но для этого у каждого из них было свое время. Уголь охотился только в ясные, ведренные дни; береста выходила из чума лишь в сырую, ненастную пору; брусника не боялась ни дождливых, ни солнечных дней.

Жили-жили они вместе и заспорили между собой. Заспорили о том, сколько кто из них проживет.

- Я буду жить долго-долго, — сказал уголь. — Я никогда не погасну. Я огонь, и меня все боятся.

- Нет, уголь, ты скоро умрешь, — сказала береста. — Я крепче тебя и брусники. Я переживу вас обоих.

- Нет, береста, ты меня не переживешь, — сказала, брусника. — Я никогда не умру. Я не боюсь того, чего боитесь вы с углем.

Поспорили и притихли. Настал солнечный день. Уголь и брусника ушли на охоту, береста осталась в чуме, чтобы дожидаться дождливой поры.

Уголь ушел далеко в лес. Вдруг на небе собралась черная туча.

Уголь испугался и побежал в чум. Но из тучи хлынул дождь и залил уголь.

Брусника вернулась с охоты и говорит бересте:

- Уголь-то пропал. Тоже хвалился!

Дождь лил и на другой день. Береста поглядела на небо и сказала:

- Дождя я не боюсь, пойду на охоту.

- И я не боюсь, — сказала брусника. — Я тоже пойду с тобой.

Пошли. Ушли далеко в лес. Дождь начал стихать. Брусника посмотрела кругом и говорит бересте:

- Вёдро будет.

Береста испугалась, побежала в чум.

Вдруг появилось солнце, стало жарко-жарко. Береста свернулась и умерла.

- Хвастунья! — сказала брусника, вернулась в чум и стала жить одна.

Был жаркий день. Брусника пошла на охоту. Вдруг появилась в небе туча.

Брусника посмотрела на тучу и сама себе говорит:

- Что мне туча? Ни дождя, ни вёдра я не боюсь. Пусть льет дождь. Из тучи повалил крупный град и подавил бруснику.

В ДОМЕ БУРУНДУКА

Бурундук с охоты домой возвращался. Слышит, в его доме кто-то шаманит. Убежал бурундук в лес, чтобы помощь найти. Встретил зайца и говорит:

- Пойдем со мной, у меня дома кто-то шаманит. Нужно выгнать.

Заяц ему отвечает:

- Пойдем еще кого-нибудь позовем.

Шли, шли и лису встретили. Сказал ей бурундук то же, что и зайцу. Лиса говорит:

- Еще нужно помощи искать.

Шли, шли и встретили медведя. Бурундук говорит ему:

- Пойдем ко мне, у меня дома кто-то шаманит, нужно выгнать.

Медведь отвечает:

- Пойдемте, я вам помогу.

Заходят в дом к бурундуку, а там лягушка шаманит, прыгает по полу. Медведь говорит:

- Кого вы испугались!

Схватил лягушку за голову и выбросил на улицу. Лиса говорит:

- Давайте устроим поры.

Назначили, кто должен Торуму петь и кричать. Медведя назначили. Начал медведь петь и плясать. Поет, а лиса его в это время обзывает:

- У всех в лабазах ворует, в каемах оленей убиваешь и ешь их.

Медведь очнулся и говорит:

- Кто меня обзывает?

Лиса отвечает:

- Это заяц.

Медведь стукнул зайца лапой и убил. После этого медведь снова начал петь и плясать, а лиса его так же обзывает. Медведь перестал петь и спрашивает:

- Кто меня дразнит?

Лиса отвечает:

- Это бурундук.

А сама в это время роет норку возле стены. Медведь схватил бурундука лапой, но тот увернулся и убежал. Только на спине у бурундука полосы остались — следы от медвежьих когтей. Медведь снова начал петь и плясать. Лиса снова начала его обзывать. Медведь спрашивает:

- Кто меня дразнит?

Лиса отвечает:

- Это я.

Медведь хотел ее царапнуть, но лиса в норку нырнула, которую сама выкопала. Медведь полез в эту норку и застрял, ни вперед, ни назад вылезти не может. Лиса в это время вышла на улицу, развела огонь и давай пешню накаливать. Когда пешня докрасна накалилась, лиса всадила ее медведю в спину. Так лиса себе много пищи запасла.

ВОРОБЫШЕК С СЕСТРЕНКОЙ

Жил воробышек и его сестренка. Раз воробышек пошел сети проверять. Он поймал большую щуку. Он делает нарту сосновую, потом березовую, все у него ломается. Потом делает железные санки. Он щуку положил на нарту, кое-как домой привез. Домой принес и говорит сестренке:

- Свари рыбу, мне оставь голову и внутренности.

А сестра все съела, простую рыбу оставила. Потом воробышек влетел:

- Тя-тя-тя, здравствуйте вам!

Не стал рыбу есть, улетел. Прилетел к дому медведя Сэвс-ики. Он увидел тарелку с маслом, стал есть масло. Потом еще раз поел и не может подняться, сел в уголок. Потом приходит медведь:

- В моем доме что-то темнеется.

Медведь его поймал и хотел зажарить. А воробышек ему говорит:

- Не жарь меня, я тебе дам в жены свою сестренку.

Медведь ему говорит:

- Ты полетишь, а я как увижу, куда ты летишь?

А воробышек ему говорит:

- Одним крылышком по земле бороздить буду, и догоняй.

Потом воробышек пришел домой и говорит:

- Сестренка, я тебя отдам медведю.

Сестренка заплакала, и воробей ей говорит:

- Приготовь топор, постель и мою шпагу*. Двери сделай маленькие!

** («Шпагой» рассказчик назвал орудие охоты на медведя — большой нож {на длинной рукоятке (хант. пал).})*

Потом пришел медведь, стал заходить и говорит:

- Что у вас двери маленькие?

- Заходи, ничего не маленькие.

Сестренка схватила топор. Как стукнет его! А воробей его шпагой пырнул, и он умер, и его подожгли.

ДВЕ СЕСТРЫ И БАБА ЯГА

Вот жили две сестры, старшая и младшая, в одной избе. Младшая сестра красивая, старшая не сильно красивая. Прибегает младшая сестра к старшей и говорит:

- Сестра, я хочу сегодня идти.
- Куда?
- Куда глаза глядят. Скучно что-то, не по себе.

Идет, идет, вдруг — такая красивая песочная дорога. Шла, шла по ней, уже захотела есть. Думает: «Сейчас пообедаю, пойду дальше».

Собирает дрова костер разжечь. Гнилой пень обломала, вдруг снизу слышит, кто-то говорит под землей:

- Кто это мне трубу сломал? Иди сюда!

Зашла под землю, там в избе старуха шогмаш-пюнким (баба-яга). Она спрашивает:

- Пустишь ночевать меня?
- Ночуй, только трубу наладь, дров принеси, воды принеси, пол помой.

Она трубу наладила, воды принесла, пол помыла, стала ночевать. Старуха спрашивает:

- Куда ты, девушка, отправилась?
- Просто пошла куда глаза глядят.
- Пойдешь дальше?
- Пойду дальше.

- Ты мне хорошо сделала, я тебе тоже хорошо сделаю. Завтра пойдешь по дороге, потом две дорожки будут — одна направо, другая налево. Иди по левой. Иди, иди, там амбар старый в лесу. Заходи туда, там стоят ящики — золотые и грязные. Ты бери самый последний, плохой, золотой не бери. Обратно пойдешь, там все белки и ронжи кричать будут: «Покажись нам, какая ты есть!» Ты иди своей дорогой, не оглядывайся, с ними не разговаривай.

Вот она идет, идет, видит две дорожки — одна направо, другая налево. Она пошла по левой. Вдруг в лесу амбар стоит. Она зашла, там много ящиков — золотые и всякие. Она взяла самый плохой. Идет обратно, ронжи ей кричат по-человечески:

- Девушка, взгляни на нас, покажись, какая ты есть!

Она слова не сказала, идет дальше. Шла, шла, пришла к бабушке, рассказала ей все.

- Молодец, что так сделала. Домой придешь, ящик под подушку положи, никому не говори.

Она пришла домой, к сестре не зашла, уснула. Утром спит крепко, слышит, кто-то ее будит:

- Вставай, я есть хочу.

Она думает: «Кто такой?»

Встала: такой красивый парень сидит. Она обрадовалась, что такого красивого парня встретила, стала его целовать, обнимать. Сварила еды, покормила его. Старшая сестра видит, что из трубы дым идет, прибежала, спрашивает:

- Где ты такого красивого жениха достала?

Она говорит:

- Иди к бабушке, она тебе все расскажет.
- Отдай мне парня!
- Нет, не отдам!

Начали они драться. Старшая сестра младшую всю поцарапала. Он стал заступаться за младшую:

- Все равно не буду с тобой жить, уходи.

Ушла старшая сестра, потом пришла мириться. Эти двое стали жить. Старшая сестра тоже пошла. Идет, идет, такая красивая песчаная дорога. Дальше идет, уже есть захотела. Думает: «Сейчас дров соберу, костер разведу».

Стала гнилой пень ломать, слышит голос из-под земли:

- Кто это мне трубу сломал? Иди сюда!

Зашла под землю, там старушка в избушке живет, шогмаш-пюнкум. Она спрашивает:

- Пустишь ночевать меня?

- Ночуй, только трубу наладь, пол помой, воды принеси.

Она трубу наладила, пол помыла, воды принесла. Стали они ночевать. Утром старуха спрашивает:

- Куда путь держишь, девушка?

- Сестра мне рассказывала, что она парня красивого в амбаре достала, я тоже туда пошла.

- Ты мне хорошо сделала, я тебе тоже хорошо сделаю. Но дорожке пойдешь, потом две дорожки будут — одна направо, другая налево. Иди по левой. Иди, иди, там амбар старый, заходи туда. Там ящики стоят всякие — золотые и плохие. Ты бери плохой, золотой не бери. Обратно пойдешь, тебе белки и ронжи кричать будут: «Девушка, оглянись на нас!» Ты их не слушай, иди своей дорогой, не оглядывайся, с ними не разговаривай.

Идет, идет, вдруг две дорожки — одна направо, другая налево. Она пошла по левой. Вдруг видит амбар старый. Зашла в него, увидела ящики. А там парни-невидимки жили — это вонт-лунки, красавцы, они ящиков понаставили. Она не послушала старуху и взяла золотой ящик. Идет обратно, ронжа ей кричит:

- Девушка, загляни к нам, покажись, какая ты есть!

Она туда посмотрела, разговаривает, болтает с ронжей. Идет дальше, белка кричит ей:

- Девушка, загляни к нам, покажись, какая ты есть!

Она с белкой тоже разговаривает, болтает. Приходит к старухе:

- Вот я какой ящик взяла.

- Ну, какой взяла, такой и бери, сама выбрала.

Переночевала у старухи, пошла домой. Пришла домой, под подушку ящик положила, к сестре не пошла. Думает, что хорошего парня принесла. Утром ей так спать хочется, слышит, кто-то ее будит:

- Вставай, я есть хочу.

Она встала, а это старый-старый старик, вся голова саргой обмотана. Это Сэвс-ики был. Он молодой парень, только заколдованный, поэтому старый.

- Не хочешь с тобой жить!

- Не будешь меня кормить, я себя съем!

Осталась с ним жить, что поделаешь: жить-то хочется.

ЗАПРЕТ

Уплыла мать на обласке в русскую деревню за покупками. А отец поехал траву глядеть – не пора ли покосничать. Велели детям домовничать. Брат с сестрой целый день в Оби купались. К вечеру посинели от купанья, зуб на зуб не попадает.

Затопил мальчик уличную печку возле дома. Сидят, греются.

- Пойдём, проневодем напротив избы, - зовёт брат сестру.

- Свежей рыбы на ужин добудем. А то чем родителей встретим?

Девочке неохота от печки уходить. Она вспомнила старую сказку и выдумала отговорку:

- В нашем роду женщинам не позволяется у домашнего берега рыбачить!

Позвал мальчик соседских детей. Совсем немного протащили невод-бредень и добыли щук.

Разделил маленький рыбак улов поровну всем. Свою долю домой несет.

- Сестрица, выпотроши рыбу. Я по воду сбегая. У ленивой девочки ответ готов:

- Родовой запрет, братец! Наша мать говорила, а ей дома сказывали: в её роду женщины к щуке не касаются.

Поставил мальчик на печурку котёл с водой. Сам рыбу принялся чистить и на куски резать.

Мелких щучек – щуругай, потроха да рыбы хвосты в собачьем котелке над костром варить подвесил, чтобы лайкам еда готова была не позже, чем людям.

Такой у северян обычай!

Наварил мальчик щучьей ухи полон котёл! Тут и отец вернулся. Увидал он – собаки сыты, похвалил детей:

- Хорошие хозяева – мои сын и дочь!

Мальчик помалкивает. Собрал ужин на летнем столике. Рыбу в чуман выложил, а уху в двух кружках подал.

Поглядел отец, дочка губы надула, ворошит в дымокуре прутом и не встает.

- Что же ты про сестру забыл? - спрашивает отец.

Засмеялся мальчик:

- Сестрица сказала, ей нельзя щуку ловить и чистить. А уж кушать щуку, пожалуй, вовсе грех?

ЗОЛОТОВОЛОСЫЙ ЦАРЬ

На речке Яль-нельтан-игал жил в старину Золотоволосый Остяцкий Царь Сарнянг-автав-кантах-кан. Он был могучий богатырь-матур, он бежал быстрее оленя по крепкому насту. Лук его был из кремлевого дерева, лук его был из гривной березы. Пускал он стрелы, оперенные орлиными перьями, выше темных туч; пустит стрелу понизу — вихри поднимаются, деревья клонятся, как трава, по воде валы пойдут.

Пришли войска из далеких краев, из-за большой воды, с края моря далекого. Войска его боялись: если выстрелить в него мимо, то всем конец. Вышло время такое — подошли войска, побросали оружие и говорят:

- Мы подходим к тебе без всего, без оружия. Что хочешь, то и делай с нами. Давай мириться.

И говорит он:

- Ну, если вы пришли с миром, что буду делать с вами? Давайте мириться!

Они ворожили семь суток, и войска поклялись, что воевать больше не будут. А когда они ворожили, жена богатыря, царица Кан-нэ, посмотрела один раз, посмотрела другой раз на богатыря тех войск, надела шитую рубашку, надела соболью шубу и все смотрела на него. И подговорил богатырь тех войск царицу погубить ее мужа. Когда войска поклялись, то Сарнянг-автав-кантах-кан ушел с реки на северную сторону, в урман. Вот раз он лег спать, и царица легла с ним. Вот она ему и говорит:

- Сними с себя кольчугу тяжелую, сними с себя кольчугу железную.

Он послушался и снял, и он заснул. Она взяла его острый нож, посередине надрезала лук так, что он держался на одной бересте*, и положила его около спящего мужа. Она была худая женщина. Вдруг проснулся царь и слышит, что войска идут на него, уже подошли. Вскочил царь на ноги, схватил лук из кремлевого дерева, схватил лук из гривной березы... Хотел пустить стрелу, натянул лук, а он сломался на две части. Осердился царь, бросил лук в войска, много народу побил. Хотел надеть кольчугу, а в это время ему в бок вошло большое копье-пальма. Царь отломил ручку копья, надел кольчугу и побежал.

** (Т.е. на берестяной обмотке лука)*

Долго, долго бежал по урману, где бежал — дорогу проложил. Бежал, бежал и упал, где урманый остров Орто-велем-пйя (Убитые старшины). Поднялся, сел на колоду, хочет снять кольчугу и не может. Подходят следом войска. Он и говорит им:

- Подходите поближе, снимите с меня кольчугу.

Те не подходят. Тогда он из последних сил снял с себя кольчугу и бросил ее на землю, и она вошла в землю на семь ручных сажень. Царь бросил кольчугу и сам упал. Тогда войска отрезали ему голову с золотыми волосами и увезли ее далеко, за большие воды, на край моря, к другому белому царю Наги-кан. Увидел Наги-кан голову с золотыми волосами и разгневался, загремел оружием и говорит:

- Войска мои, зачем вы убили его? Лучше бы живым взяли и привезли ко мне, а то остяцкого царя убили, Золотоволосого Остяцкого Царя Сарнянг-автав-кантах-кан убили!

И велел царь казнить те войска, и поклялся больше не воевать в тех местах. Так и называется эта река Яль-нельтан-игал — «Войска закаялись речка».

ЕРМАК

Приехал Ермак на земли обские и стал там жить. Живет полгода, живет год, а может быть и два. И вот узнает Ермак: живет где-то в лесах хантыйский князь, и имеет этот князь большую силу, богатую землю. Мало-помалу стал Ермак с двадцатью пятью людьми пробираться туда. Приехал в землю хантынского князя и стал там жить. Мало-помалу, подружился Ермак с князем. Стали жить и есть вместе с князем и так подружились, что ночь не проведут друг без друга и дня не проведут друг без друга. Так однажды за питьем, за едой, за дружеской беседой Ермак Тимофеевич и говорит:

- Князь, у меня есть один разговор; не знаю, понравится тебе или нет, если рассказать.

- Если понравится – рассудим, не понравится – отклоним.

- Я вот все думаю: живем мы здесь, в темных лесах, ничего не знаем, а ведь есть у нас царь — хозяин земли русской. Людей, живущих помимо воли царя, не должно на Руси быть. Я думаю дать тебе, князь, совет: надо вам, хантам, принять веру русскую. Князь и говорит:

- О урус, я никому поклоняться не желаю. Мы не испытываем пока нужды в питье и в еде и царя просить об этом не собираемся. Поэтому мы и не касаемся царя, и царь пусть нас не касается.

Тут друзья заспорили. Ермак говорит:

- Если по-доброму не согласишься принять царскую веру, – то примешь ее по-худому. Мы можем заставить тебя войной.

- О урус, – говорит князь, – я с тобой воевать не желаю. Не желаю воевать с тобой потому, что у тебя силы не хватит, хотя ты и русский. Мой народ тебя не боится. Ты даже не справишься с одним моим шаманом, не только со всем моим народом.

Ермак говорит:

- М-м, что за шамана ты имеешь, показал бы мне его. Привели шамана. Оказывается-обыкновенный человек, – Каким волшебством обладает этот твой человек?

- А вот каким волшебством. Вот зарубите его всего. Если он не оживет после этого, то мое дело будет проиграно, я буду побежден вами. Если он оживет, то проиграете вы.

Ермак говорит:

- Нет, – говорит. – Как можно понапрасну изрубить человека. Дело у нас с вами далеко зашло. По-моему, нам надо поклясться. Вот твоя сабля, и вот моя сабля. Положим их крест-накрест на стол. Кто из нас выиграет спор, саблю того должен поцеловать проигравший.

Так и условились. Положили сабли на стол. Ермак Тимофеевич вывел на улицу шамана и приказал своим изрубить его.

Начали рубить. Изрубили на мелкие куски. Только отвернулись те, кто рубил, – шаман вскочил и рассмеялся.

Ермак снова приказал изрубить его. Опять схватили шамана, опять изрубили. И только отвернулись те, кто рубил. его, – он снова вскочил и рассмеялся.

Ермак говорит:

- И в самом деле, он у вас бессмертен. Два раза пробовали его изрубить, он все оживал. На третий раз придумаем что-нибудь другое.

И приказал Ермак развести такой костер, что пламя его поднималось до вершин лиственниц, до вершин больших елок. Когда костер разгорелся большим пламенем, связали шаману руки и ноги и бросили на костер, а костер оцепили кругом.

И сгорел шаман, не оставив ни пепла, ни уголька.

Ермак говорит:

- Ну вот и вся мудрость вашего шамана, было ли чем хвастаться!

Князь говорит:

- Хотя и не хватило мудрости у моего шамана, но народ мой, пока он живет, тебе не поддастся.

- Но, князь, хотя ты и хвастаешься, а моего шамана ты еще не слышал и не видал.

- Ну, похвастайся, какого шамана ты имеешь, – говорит князь.

- Вот я выйду на улицу, – говорит Ермак, – и пойду куда-нибудь в сторону.

Взял Ермак ружье, вышел на улицу и ушел в сторону. Зарядил ружье, поднял курок и выстрелил. Выстрелил, и эхо вначале отдалось на полуденной стороне, а затем прокатилось по долине Оби: целый день от этого выстрела гудело кругом, и вся земля сотрясалась. Князь и весь его народ все перепугались. Между собой говорят:

- Ого, ребята, как будто бы небо свалилось... Что теперь нам делать? – спрашивает князь. – Видимо, придется мне поцеловать саблю русского богатыря.

Те, что постарше, поумнее, говорят:

- Князь, ты зря не целуй его саблю. Надо подумать, что да как.

Вошел Ермак.

- Вот, князь, каков мой шаман, слышал или нет?

- Да, урус, слышал... Подумал князь и говорит:

- Теперь будем совершать клятву. Но прежде чем поцеловать твою саблю, мне нужно условиться с тобой еще кое о чем.

Ермак говорит: – Ну, говори, говори, князь!

- Я так думаю, урус: твою саблю я поцелую, но только с таким условием: пусть мой народ будет жить и впредь также вольно в здешних местах, как жил до сих пор; пусть будет так, чтобы его не призывали в солдаты. Вот что я хотел сказать. При этом условии я приму клятву. Но чтобы не было никакого обмана ни с моей, ни с твоей стороны.

Ермак говорит:

- Это правильно ты говоришь, мне нравится. Но к этому я хочу добавить, и если тебе понравится, слушай. Народ твой воевать не будет. Сделаем такой договор. Но народ твой будет платить царю подать. Люди твои будут называться не ясацными, а вольноданцами, поскольку вы подчинились добровольно.

Ермак Тимофеевич сел писать договор. Написал все так, как они договорились с князем. Оба подписали договор. Затем Ермак поцеловал саблю князя в знак того, что он исполнит все условия договора, а князь поцеловал саблю Ермака в знак того, что он побежден.

ИМИ-ХИТЫ

Ими-Хиты с бабушкой живут на краю земли. Сделал однажды Ими-Хиты себе ледяную горку и катается целыми днями. Как-то раз прибегает Ими-Хиты домой и спрашивает бабушку:

– Бабушка, я видел зверька: хвост черный, а сам серый. Что это за зверек?

Бабушка говорит:

– Это белка, внучек. Раньше твой отец добывал этого зверька.

– Я пойду догоню его, – говорит Ими-Хиты.

– О внучек, ты еще мал за белкой гоняться. Ты ее погонишь – она на дерево залезет; что ты с ней сделаешь?

И пошел Ими-Хиты снова кататься. Долго ли, коротко ли катался, опять прибежал к бабушке:

– Бабушка, я опять видел зверька: кончик хвоста Черный, а сам весь белый. Что это за зверек?

– Это горноста́й, внучек. Раньше твой отец добывал этого зверька.

– Я пойду, бабушка, догоню его, – говорит Ими-Хиты.

– О внучек, ты еще мал за горностаем гоняться. Ты его догонишь – он под корень дерева залезет; что ты с ним сделаешь?

Опять пошел кататься Ими-Хиты. Долго ли, коротко ли катался, прибежал к бабушке и говорит:

– Бабушка, я в этот раз видел такого зверька. Он весь целиком черный. Что за зверек?

Бабушка говорит:

– Это собо́ль, внучек. Раньше твой отец этого зверька добывал.

– Пойду я, бабушка, догоню его.

– О внучек, где тебе догнать соболя. Собо́ль – это зверь с длинным следом.

– А чем же добывают, бабушка, этих зверей?

– Чем их добывают? Луком и стрелами.

– А какие бывают лук и стрела? Как их делают? Сделай мне лук и стрелы, бабушка.

Бабушке очень не хотелось мастерить, да что поделаешь, если ребенок просит. Взяла она полено, выстругала что-то вроде стрелы. Затем нашла какой-то обрубок палки и сделала внуку лук.

На следующий день утром проснулась бабушка, взглянула – а внука уже и след простыл.

Долго ли, коротко ли ходил Ими-Хиты, пришел домой уже под вечер. Принес всякого зверя целую кучу. Бабушка накормила внука, напоила, и сели они вдвоем свежевать добытых зверей. Бабушка учит:

– Отец твой вот так свежевал, вот так правил шкурки. С тех пор каждый день стал ходить Ими-Хиты на охоту. Всегда уходил, когда бабушка еще спала. Так он ходил, охотился, а однажды вечером за едой сказал бабушке:

– Бабушка, теперь я подальше уходить буду, там больше зверя. Сделала бы ты мне какой-нибудь кузовок, чтоб можно было брать с собой еду. Ходить в лесу я еще не умею как следует, может случиться, что я еще заблужусь где-нибудь.

– Да, это верно, внучек.

Бабушка села и мигом сшила кузовок, чтобы класть еду.

На следующий день Ими-Хиты надел свой кузовок с едой и пошел опять на охоту. Какой след ни попадется, по тому следу и идет: попадется след мышки – идет по следу мышки, попадется след ласки – идет по следу ласки. Так он шел, шел. вдруг слышит: кто-то кричит, надрывается.

Ими-Хиты думает: Схожу-ка я посмотрю, кто это там кричит.

Стал подкрадываться. Осмотрелся, оказывается на берегу реки высокая гора. Видит: мальчишка Менгк-поших катается на железных санках с высокой горы. Покатится, закричит и засмеется, покатится, закричит и засмеется. Ими-Хиты стоит и глаз с него не сводит. Долго ли, коротко ли так смотрел Ими-Хиты, наконец Менгк-поших его заметил.

– Эй, дружок, ты здесь? – говорит ему Менгк-поших. Иди, покатаемся со мной!

– Нет, – отвечает Ими-Хиты, – я пошел на охоту, мне некогда кататься.

– Ну, иди, иди, разок скатимся, что там! Но разве отвяжешься от Менгк-пошиха?

– Иди, садись на передок, – говорит Менгк-поших.

– Нет, на передок не сяду. Я сзади заскочу. Я с тобой не удержусь, ты уж очень громко кричишь и смеешься.

– Нет, я не буду очень громко кричать и смеяться. Вскочил Ими-Хиты сзади и покатились. Когда покатились, Менгк-поших так закричал, что Ими-Хиты упал без чувств.

Долго ли, коротко ли лежал, очнулся, видит: Менгк-поших. поднимается на гору с санками.

– Эй, дружок, почему ты упал?

Ими-Хиты отвечает:

– Я же говорю, что не могу кататься с тобой. Ты очень громко кричишь и смеешься.

– Ну, – говорит Менгк-поших, – теперь я потише, буду смеяться.

– Нет, я больше с тобой не буду кататься; у меня день проходит, охотиться надо.

– Ну, скатимся, скатимся еще разок. Садись ко мне на колени, не выпадешь.

Отговаривался, отговаривался Ими-Хиты, да разве отговоришься от Менгк-пошиха?

– Ну, садись, садись, – говорит Ими-Хиты, – я опять сзади заскочу.

Покатились. Менгк-поших опять закричал, засмеялся во все горло. У Ими-Хиты белый свет из глаз скрылся. Долго ли, коротко ли лежал, очнулся, смотрит: Менгк-поших с улыбкой к нему подходит.

– Что, дружок, опять ты остался?

– Ты так орешь, разве можно с тобой кататься!

– Ну, давай еще разок скатимся, да как следует, по-хорошему. Ты садись теперь в санки. Ими-Хиты говорит:

– Нет, уж с тобой вместе я больше не покачусь. Я сам сделаю себе санки, а ты один катайся.

Ими-Хиты взял свой топорик, срубил понравившуюся березу, расколол ее пополам и стал обтесывать. Менгк-поших смотрит: Ими-Хиты теснет-топор соскользнет, теснет-топор соскользнет.

Менгк-поших говорит:

– Когда твои санки будут готовы, если ты так будешь тесать?

– А дома ты разве на особом месте тешешь?

– Дома я на бабушкином языке тешу.

– Как же это ты на языке тешешь? – говорит Менгк-поших.

– А я привык к этому. Вот ты привык же кричать и смеяться, – говорит Ими-Хиты Менгк-пошиху, – ты вот ляг, я на твоём языке быстро вытешу.

– Ну, ты еще мне язык отрубишь.

– Ну что ты, разве у меня руки без жил, что я топор не сдержу?

Менгк-поших согласился, лег навзничь и высунул свой длинный, как шкура зверя, язык; Ими-Хиты положил ему на язык обрубок дерева и стал легонечко тесать тонкими щепками.

Тешет и приговаривает:

– Когда я был дома, вот так, вот так, бывало, тесал.

Тесал-тесал, стал дотесывать до конца, приловчился и отрубил топором кончик языка у Менгк-пошиха.

Закричал Менгк-поших страшным голосом, и Ими-Хиты упал без памяти.

Долго ли, коротко ли лежал, очнулся; совсем замерз. Смотрит, Менгк-пошиха нет, только отрубленный кусочек языка остался.

Ими-Хиты встал, взял кусок языка и, пошел по окровавленному следу Менгк-пошиха.

Шел-шел, пришел к огромному городу. Дома здесь все сложены из лиственниц и елей. Там, где не хватило лиственницы, там доложили елкой, там, где не хватило елки, – доложили лиственницей.

Как шел он по следу, так и пришел к дому, стоявшему на другом краю города.

Подошел Ими-Хиты к этому дому, залез на крышу и приложил ухо к дымоходу, стал прислушиваться. Слышит, Менгк-поших стонет и вздыхает. Домашние спрашивают его:

– Что случилось с тобой?

Он показывает на рот и что-то бормочет. Спрашивали-спрашивали, так ничего от него и не добились.

– М-м, что с ним могло случиться? – сказал кто-то со вздохом.

– Иди, – сказал тот же голос. – сходи к бабушке из соседнего дома.

Кто-то вскочил, открыл дверь. Вышел, оказывается, маленький Менгк.

Выбежал и начал плясать. То одну ногу вскинет, то руку вскинет. Пляшет, а сам напевает:

Туда-сюда прыг-скок,
Туда-сюда прыг-скок,
Как спиною повернусь -
Круглая коса трясется,
Если грудью повернусь -
Бисерная лента вьется.

Бежал-бежал, приплясывая, и зашел в один из соседних домов. Только Менгк-поших скрылся в доме, Ими-Хиты спрыгнул вниз, подбежал к тому дому, куда вошел Менгк-поших, и опять стал прислушиваться через дымоход.

Менгк-пошиха кто-то спрашивает:

– Что скажешь? Тебя, наверно, за делом прислали сюда?

А Менг-поших все свое продолжает: то ногу вскинет, то руку вскинет, и сам напевает:

Туда-сюда прыг-скок,
Туда-сюда прыг-скок,
Как спиною повернусь
Круглая коса трясется,
Если грудью повернусь
Бисерная лента вьется.
Плясал-плясал, да так и убежал, вскидывая то руку, то ногу.
Кто-то в доме говорит:
– Этого беспутного мальчишку, наверно, за каким-нибудь делом посылали.

Как только Менгк-поших вошел в свой дом, Ими-Хиты спрыгнул с крыши и побежал туда же, вниз на крышу, к отверстию дымохода.

Менгк-пошиха спрашивают:

– Ну что казал тебе дедушка?

А Менг-поших все свое пляшет и поет:

Туда-сюда прыг-скок,

Туда-сюда прыг-скок,

Как спиною повернусь

Круглая коса трясется,

Если грудью повернусь

Бисерная лента вьется.

– Этот мальчишка, видимо, ничего там не сказал. Иди, дочка, помоги своему брату.

Слышит Ими-Хиты, девушка встала со звоном серебра, со звоном золота. Вышла на улицу. Видит Ими-Хиты – перед ним красавица из красавиц, девица из девиц. Вышла, посмотрела вокруг и вошла в соседний дом. Ими-Хиты спрыгнул и тоже побежал туда. Залез наверх, стал слушать через дымоход, а внутри кто-то говорит:

– Ну, внучка, с какими вестями и новостями пришла?

– Отец, тебя зовет дедушка. С братом что-то случилось. На рот показывает, что-то бормочет, а толком ничего не может рассказать. Вдохнет-захлебнется.

– Что могло случиться? Наверно, к Ими-Хиты он приставал. Ну, иди, иди, я приду.

Девушка вышла и пошла домой. Только вошла она в дом, Ими-Хиты спрыгнул с крыши и побежал за нею. Влез на крышу дома, куда вошла красавица, видит-идет старик, весь седой. Подошел к этому дому и вошел.

– Ну что случилось? – спрашивает.

– Да вот, просто ходил кататься, и что-то с ним случилось.

– Да, случилось, случилось. – Противный он мальчишка, приставал к Ими-Хиты, и вот получил. Надо теперь как-то упросить Ими-Хиты.

– Откуда мы возьмем Ими-Хиты, чтобы упросить его?

– Куда денется Ими-Хиты, вон он на крыше, подслушивает в дымоход чувала.

– А как его упросить?

– Что же делать, придется просватать ему нашу дочь из-за противного мальчишки. Иди, внучка, если тебе жалко брата-пойди, обещаю быть Ими-Хиты невестой и упроси его, чтобы он излечил твоего брата.

Девица, опечаленная, невеселая, вышла на улицу и говорит:

– Ну, иди, Ими-Хиты, спаси моего брата. Немного повертелась и пошла домой.

– Ну, позвала? – спрашивает дед.

– Позвала.

– Как ты звала? Иди, не стесняйся, скажи, что будешь ему невестой.

Девица опять вышла. Повертелась, постояла и говорит:

– Ну что– поделаешь, Ими-Хиты, брат уже совсем умирает, я обещаю быть тебе невестой, только вылечи его.

– Ну, иди, иди, я приду сейчас, – говорит Ими-Хиты. Ими-Хиты взял свой кузовок и вошел в дом.

– Ну, Ими-Хиты, этот противный мальчишка, наверно, к тебе приставал?

– Я пошел на охоту, – говорит Ими-Хиты. – Слышу, кто-то кричит. Стал подходить, смотрю – он катается. Тут я на него засмотрелся и стою. Он меня заметил и стал приставать: давай кататься. Я ему говорю, что мне некогда, у меня проходит день, мне надо охотиться, а он все свое– знай пристаёт. Раз покатались, он так закричал, что я от его крика без чувств упал. Он второй раз пристал. Второй – раз покатались, то же самое, я без чувств упал от его крика. На третий раз, чтобы отделаться от него, я и придумал, как: от него отвязаться.

– Ими-Хиты, удвой свою доброту, вылечи этого мальчонку. Мы отдадим тебе вот эту красавицу, что носит косы живые как птица, что ходит в звоне серебра и золота.

Ими-Хиты достал обрубок языка из своего кузовка и приставил к языку мальчишки. Язык тут же стал прирастать. Затем Ими-Хиты дал ему выпить теплой воды. Когда в третий раз напился, мальчишка вздохнул и сказал:

– Ан-на, наконец от сердца отлегло. Дед и отец принялись его ругать:

– Скверный ты парень, счастье твое, что пришел сюда Ими-Хиты.

Хорошо, что он добрый человек. Если бы не он, то пропал бы ты без языка. Затем устроили свадебный пир на весь город, на все село.

ИТТЕ

Итте маленьким был, когда сиротой остался.

Мать умерла в тот год, когда Итте родился. Отец — охотник, в урман зверя промышлять ушел — совсем не вернулся.

Бабушка Итте — Имъял-Пая её звали — его к себе взяла. Итте большой мальчик стал, а всего боится. Бабушка думает: «Как отучить Итте всего бояться, чтобы Итте на рыбалку ходил, на зверя ходил, смелым охотником стал?..»

Кедровым орехам урожайный год пришёл. Совсем спелые орехи стали — можно собирать.

Бабушка Имъял-Пая говорит Итте:

— Пойдём, Итте, орешки собирать.

— Что ж, пойдём, бабушка.

Бабушка в обласок, лодку-долбленку, села. Итте посадила, обласок толкнула — и поехали.

Ясный день был. Солнышко светит. Урман тихонько шумит. Тым-река от песка к песку бежит.

Три песка бабушка с Итте проехали, на берег вышли, на гору поднялись, в тайгу пошли.

В тайге птицы поют. Далеко слышно — кедровка стучит. Орехи из шишек выбирает.

Стали бабушка с Итте орехи собирать. Кедровые высоко головы подняли, в ветвях шишки спрятали. Старая Имъял-Пая колотушкой сучок ударит — спелые шишки сами падают.

Полный обласок орехов насыпали, домой собрались.

Бабушка одну берестяную кошёлку с орехами на горе оставила.

— Ох, Итте, кошёлку забыли. Сбегай, принеси.

Итте на гору побежал, а Имъял-Пая обласок от берега оттолкнула.

Итте с горы глядит — бабушка уехала. Итте кричать стал, плакать стал:

— Зачем ты оставила меня, бабушка?

Имъял-Пая не оглянулась ни разу. Сильно гребла веслом, и скоро обласок из виду ушёл.

Итте один в тайге остался. По берегу бегать начал, искать, где бы спрятаться. Искал, искал — дупло нашёл. Залез в дупло, клубочком свернулся, лежит тихонько.

Солнце спускаться стало, ветер подул, дождь пошёл. Тайга шумит. Кедровые шишки падают, по дуплу стучат. Итте страшно стало. Думает — звери пришли, съедят его.

Со страху Итте кричать стал:

— Всего съешьте, только голову не троньте...

А его никто и не трогает. Только стук кругом идёт — шишки падают.

Сколько ни боялся Итте — заснул понемножечку.

Сколько ни спал — пробудился. Смотрит — светло стало. Солнце высоко. Птицы поют. Тайга тихонько шумит. Итте себя щупать стал. Цел ли?

Левую руку протянул — здесь рука. Правую руку протянул — здесь рука. Итте из дупла выскочил, на ноги встал.

Смотрит — кругом шишки нападали. Ой, сколько шишек!

Итте стал шишки собирать и страх позабыл. Некого бояться!

Большую кучу шишек собрал Итте. На берег посмотрел, видит — бабушка Имъял-Пая приехала. Итте бабушке руками замахал:

— Зачем меня одного оставила?

Бабушка ему говорит:

— Не сердись, Итте. Ты — человек. Тебе никто ничего сделать не может. Человек — везде хозяин. Теперь ты ничего бояться не будешь.

Подумал Итте: «Правду говорит бабушка — не надо бояться». Помирился Итте с бабушкой. Опять стали орехи собирать. Опять обласок полный набрали. Домой поехали.

Тым-река от песка к песку бежит. Высоко солнышко светит. Тайга тихонько шумит. Хорошо!

С тех пор Итте храбрым стал. Куда захочет — один идёт.

С тех пор бабушка Имъял-Пая своего внука Итте бояться отучила.

Год за годом время прошло. Вырос Итте. Стал охотником — самым смелым охотником стал.

ИМИ-ХИТЫ И ВОШИНГ УРТ

Живут бабушка с внуком. Бабушка сидит дома, прядет нитки, внук бежит на улице и играет. Долго ли, коротко ли так жили, внук подрос, стал ходить на охоту и на рыбалку.

Так они жили. Вот однажды внук говорит бабушке:

– Бабушка, пойду-ка я к Вошинг Урту сватать его младшую дочь.

Бабушка отвечает:

– Не ходи, внучек, у тебя еще руки не окрепли, ноги не окрепли как следует.

– Нет, все равно пойду.

Уговорил бабушку. Собрался. Вышел на улицу, бросил свои подоложные лыжи и, куда они ногами встали, туда и пошел.

Долго ли, коротко ли шел, нашел след горностая и пошел по нему. Немного прошел, видит-горностай залез на дерево. Ими-Хиты убил горностая, снял с него шкуру вместе с когтями и зубами и пошел дальше.

Шел-шел, нашел беличий след. Пошел по беличьему следу. Немного прошел, видит – белка залезла на дерево. Он убил ее, снял с нее шкурку вместе с когтями и зубами и пошел дальше.

Долго ли, коротко ли шел, вышел к огромному городу.

Оглядел город кругом. Богатый дом всегда выделяется. Ими-Хиты вошел в этот приметный дом. Видит, Вошинг Урт сидит. Вошел, поздоровался:

– Здравствуй, дедушка Вошинг Урт!

– Здравствуй, здравствуй, внучек! Какими судьбами тебя сюда занесло, какими судьбами тебя сюда привело?

– А-а, я, несчастный, так себе брожу. Устроили пир по случаю прихода гостя. Долго ли, коротко ли пировали, Ими-Хиты говорит Вошинг Урту:

– Я пришел к тебе торговаться-рядиться. Пришел свататься к твоей младшей дочери, которую ты держишь в богато убранной горнице. Может быть, надумаешь выдать ее за меня?

Вошинг Урт опустил свою голову и держал ее так ровно столько времени, сколько варится котел. Затем поднял голову и говорит:

– Что плохого в том, чтобы дочь замуж отдать? Отдам. Но ты сделай мне одно дело. У нас на краю города прижился летающий великан Тунгх с женой. Они уже семь лет ежедневно похищают людей из моего города и кормят своих детей. Так они будут похищать людей до тех пор, пока не будут летать их дети. Вот если ты сумеешь увести прочь Тунгхов, тогда я отдам за тебя мою дочь.

Ими-Хиты согласился прогнать летающего великана Тунгха.

Пошел туда. Смотрит-верно, стоит очень высокое дерево, совершенно без сучьев. На самой вершине гнездо летающего Тунгха.

Ими-Хиты достал из кармана шкурку горностая и влез в нее, обернулся горностаем и стал взбираться на дерево. Лез-лез-устали когти горностая. Снял он шкуру горностая и оделся в беличью шкуру. Обернулся белкой, опять стал взбираться вверх.

Немного до гнезда не добрался, как вдруг из гнезда навстречу ему выскочила большая противная жаба. Ими-Хиты выхватил топор и разрубил жабу пополам.

Влез Ими-Хиты в гнездо, а в гнезде два детеныша одни сидят. Ими-Хиты говорит детенышам летающего Тунгха:

– Почему не улетаеете отсюда? Детеныши говорят:

– Мы отрацциваем крылья. Только начнут они отрастать, как кто-то приходит и отгрызает у нас их. Потому и не улетаем.

Ими-Хиты говорит:

– Я знаю, кто отгрызал ваши крылья. Это была большая жаба. Я ее убил, теперь некому отгрызать ваши крылья, теперь отрастут.

Он вынул-из кармана золотую бутылочку с водой и помазал концы крыльев у детенышей летающего Тунгха. Помазал и велел:

– Машите крыльями!

Детеныши Тунгха начали махать крыльями. Чувствуют – так хорошо. Немного погодя опять помазал. Опять они стали махать крыльями: стало еще лучше. Помазал в третий раз и велел лететь. Детеныши Тунгха полетели. Облетели весь белый свет и снова вернулись к гнезду. Ими-Хиты спрашивает:

– Ну как, теперь можете улететь? Детеныши говорят:

– Можем. Скоро наш отец и наша мать, прилетят. Они могут тебя съесть.

Мы тебя спрячем.

Спрятали детеныши Ими-Хиты на дне гнезда. Немного погодя прилетает летающий Тунгх и приносит красивого юношу.

Прилетает мать и приносит красивую девушку.

Дети говорят:

– Мы уже поправились, теперь можем летать.

– Кто же вас излечил?

– Того, кто излечил нас, мы здесь прячем. Отец и мать говорят:

– Покажите нам его.

– А вы его не съедите?

– Зачем же мы его съедем? Мы ему спасибо скажем. Дети великана вынули Ими-Хиты из гнезда.

– Вот кто нас излечил. Если бы не он, мы никогда бы не стали летать.

Летающий Тунгх с женой говорят:

– Здравствуй, Ими-Хиты! Как тебя сюда занесло?

– Я, несчастный, просто так брожу, - и рассказал, зачем пришел сюда.

– Спасибо тебе за то, что излечил наших Детей. Летающий Тунгх говорит жене:

– Ты теперь улетай с детьми; где найдешь хорошее место, там и сделайте себе гнездо. Я останусь здесь, буду помогать Ими-Хиты. А ты, Ими-Хиты, садись теперь мне на спину, и я понесу тебя, куда тебе нужно.

Отпустили великаны юношу и девушку домой. Ими-Хиты сел на спину летающего Тунгха, и полетели они к городу Вошинг Урта.

– Теперь иди к Вошинг Урту, – говорит Тунгх, – спроси, наверно он еще задачу даст. Спроси и приходи ко мне. Ими-Хиты пошел к Вошинг Урту, говорит:

– Твое приказание я исполнил: летающего Тунгха с женой прогнал. Вошинг Урт говорит:

– Прогнать-то ты прогнал их, да теперь для пира хорошее угощение нужно. Где найдешь его? Здесь поблизости ничего подходящего нет. Хорошую еду, хорошее питье поискать надо. В старое время я слышал, что за неизвестными землями, за неизвестными морями есть тридцатиголосые птички. Если принесешь этих птичек, отдам за тебя дочь. Ими-Хиты пошел к летающему Тунгху, говорит:

– Вошинг Урт говорит, что за неизвестными землями, за неизвестными морями есть море. На берегу этого моря есть тридцатиголосые птички. Если принесу этих птичек, тогда, говорит, отдаст свою дочь. 'Летающий Тунгх говорит:

– Сходи к городским кузнецам, вели сделать железный перевес.

Ими-Хиты сходил к кузнецам. Велел сделать ловушку (железный перевес). Сделали перевес. Он принес его к летающему Тунгху. Летающий Тунгх говорит:

– Положи свой перевес мне на спину и садись сам. Ими-Хиты положил перевес, сел сам, и летающий Тунгх полетел. Летели-летели, наконец опустились. Летающий Тунгх говорит:

– Ими-Хиты, сходи наруби шесты для перевеса. Ими-Хиты сходил, нарубил шестов и погрузил их на спину летающего Тунгха и полетели дальше. Долго ли, коротко ли летели, вышли к водоразделу двух морей. Прилетели, сели.

Летающий Тунгх говорит:

– Поставь шесты перевеса и растяни перевес, а я пойду загонять тридцатиголосых птичек.

Летающий Тунгх улетел.

Немного времени спустя Ими-Хиты видит: Тунгх гонит тридцатиголосых птичек. Птички вверх – и летающий Тунгх вверх кидается. Так он гонит их на перевес. Когда подлетели к перевесу, птички хотели взвиться вверх, но летающий Тунгх преградил им путь, и все птички попали в перевес. Ими-Хиты быстро спустил перевес. Птички все попались.

Летающий Тунгх говорит:

– Теперь погрузи их ко мне на спину, и полетим обратно. Ими-Хиты погрузил птичек на Тунгха и сам сел. Летающий Тунгх стал взлетать. Махал-махал крыльями, никак не мог взлететь. Поднатужился еще раз; помахал-помахал крыльями, еле взлетел. Долго ли, коротко ли летели, наконец долетели до города Вошинг Урта и сели. Летающий Тунгх говорит:

– Теперь, Ими-Хиты, сходи к Вошинг Урту и попроси у него тридцать лошадей.

Ими-Хиты пошел, попросил тридцать лошадей, погрузил на них свою дичь и повез в амбары Вошинг Урта. Все амбары наполнил. Пошел Ими-Хиты к Вошинг Урту и говорит:

– Я исполнил твое приказание.

Вошинг Урт долго сидел молча, затем сказал:

– Мясо-то привез, а рыбы нет, на пир нужна и рыба. Если ты не знаешь, где искать хорошую рыбу, я скажу. В неизвестной стороне, в неизвестном направлении есть море. В этом море есть златоперый окунь. Если поймашь этого окуня, тогда дочь отдам и большой пир устрою.

Ими-Хиты пошел к летающему Тунгху и говорит:

– Вошинг Урт так говорит: В неизвестной стороне, в неизвестном направлении есть море. В этом море есть златоперый окунь. Если поймаю этого окуня, тогда, говорит, отдаст свою дочь.

– Ну, внучек, – говорит Тунгх, – садись на мою спину.

Ими-Хиты сел на его спину, и они полетели.

Долго ли, коротко ли летели, сели. Летающий Тунгх говорит:

– Сходи, внучек, наруби тридцать толстых кольев для запора. Ими-Хиты нарубил кольев, погрузил на спину летающего Тунгха. Погрузил, и полетели дальше. Долго ли, коротко ли летели, прилетели к водоразделу двух морей, сели на землю.

Летающий Тунгх говорит:

– Теперь, внучек, сделай запор, колья поставь против течения. В середине запора выдолби большую прорубь.

Ими-Хиты сделал запор, выдолбил большую прорубь, а сам отошел в сторонку и сел поблизости. Немного погодя из проруби выпрыгнули на лед, два чебака. Чебаки говорят:

– Ими-Хиты, сделай доброе дело, отпусти нас в воду.

Ими-Хиты говорит им:

– Я вас отпущу, если вы пригоните ко мне в забор златоперого окуня.

– Мы боимся златоперых окуней, они нас съедят.

– Ну, не хотите, подышайте здесь, мне не жалко.

Рыбки говорят:

– Смилуйся, Ими-Хиты, отпусти нас, мы совсем замерзаем.

– Сходите, приведите златоперого окуня, тогда отпущу.

– Мы очень боимся златоперого окуня, не пойдем мы туда.

– Если боитесь, мерзните, мне дела нет.

– Пожалуйста, собери всю свою доброту, отпусти нас. Так и быть уж, сходим, приведем сюда златоперого окуня. Ими-Хиты взял их и отпустил в воду. Немного времени прошло, заходила, заволновалась вода подо льдом. Видит, чебаки его плывут, а за ними громадный окунь гонится. Рыбки выпрыгнули на лед, а за ними и окунь выпрыгнул. Ими-Хиты принялся рубить окуня своим топором. Чебаков снова отпустил в воду, а сам разрубил окуня на тридцать частей и погрузил на спину летающему Тунгху.

Стал Тунгх взлетать: махал-махал крыльями, не взлетел. Второй раз собрался с силами, махал-махал крыльями, насилиу взлетел. И полетели. Прилетели в город Вошинг Урта.

Летающий Тунгх говорит:

– Иди быстро, проси тридцать лошадей, запряженных в сани.

Ими-Хиты сходил, попросил лошадей, погрузил рыбу, повез в амбар Вошинг Урта.

Пошел Ими-Хиты к Вошинг Урту и говорит:

– Что приказано было, я сделал.

– Теперь можно настоящий пир устроить, – говорит Вошинг Урт.

На весь город, на все юрты пир устроили. Месяц пировали, неделю пировали. Праздник кончился, теперь счастливо живут.

КОТ

Жили старик со старухой. Был у них кот. Однажды кот убежал в лес. Бродил-бродил кот по лесу, – наступила осень, стало холодно, а он все бродит по лесу, ищет теплый уголок, куда можно было бы спрятаться. Так, бродя по лесу, встретил он петуха и говорит ему:

– Осень наступила, холодно стало, построим себе дом.

– Не буду. Что я с домом буду делать? – отвечает петух. Я в любом месте укроюсь.

Побрел кот дальше. Долго ли, коротко ли бродил по лесу, встретил теленка и говорит ему:

– Эй, приятель, давай выстроим дом.

– Ну что я с домом буду делать? – говорит теленок. – Я сделаю какое-нибудь гнездышко из сена и лягу в него. Опять кот пошел бродить. Долго ли, коротко бродил, встретил жеребенка.

– Давай-ка, приятель, построим дом.

– Что я буду делать с домом? Я в любом месте простою, – ответил ему жеребенок.

– Коли так, – сказал кот, – пойду и построю дом один. Стал строить дом. Дом построил, вошел внутрь, забрался на печку и лег там.

Пришла зима. Лежит кот на печке, кости греет. Однажды, слышит он чьи-то шаги. Подошел к двери, стал окликать, – оказывается, петух пришел.

– Я замерзаю! – кричит петух. – Впусти меня в дом. Если на тебя нападут, я буду кричать и клеваться.

– А когда я звал тебя вместе дом строить, ты не шел!..

Так они разговаривают, вдруг теленок бежит с криком.

– Впусти меня! – говорит теленок. – Если на тебя нападут, я буду кричать и бодаться. Кот говорит:

– Я тебя звал дом строить, ты не шел!

В это время пришел жеребенок:

– Впусти меня! Если на тебя нападут, я буду лягаться и кусаться. Кот говорит:

– Ну-ну, входите, входите. Вошли они.

Долго ли, коротко ли жили, однажды стала их дверь открываться. Петух спрашивает:

– Кто там?

– Я, росомаха! Впустите меня.

– Тише, тише, хозяин спит. Если проснется, убьет тебя. Испугалась росомаха и побежала к медведю. Медведь послал волка.

– Сходи, узнай, как зовут хозяина.

Пришел волк туда.

Петух, жеребенок и теленок-все бросились к дверям.

– Не входи, не входи, убьет тебя наш хозяин.

– Да скажите, как зовут вашего хозяина?

– Хозяин наш-кот.

Волк прибежал домой, говорит медведю:

– Имя их хозяина – кот.

– Теперь пойдемте-ка, добудем оленей, – говорит медведь, – оленя убьем и позовем кота в гости. Пошли. Добыли четырех оленей. Медведь говорит росомахе:

– Сходи, позови кота сюда в гости.

Пошла росомаха. Пришла, открыла дверь и говорит:

– Пусть приходит ваш хозяин погостить к нам. Теленок разбудил кота.
– Медведь зовет тебя в гости.
Кот встал, оделся и пошел потихонечку.
Пришел. А медведь забрался на дерево, боится кота.
Кот стал есть. Ест и мяукает:
– Мяу! Мяу!
Медведь спрашивает росомаху:
– Ты знаешь ведь русский язык, ты понимаешь, что он говорит? Росомаха отвечает:
– Мало, мало! – он говорит.
– Говорил же я тебе раньше, что надо было убить еще двух оленей. Теперь он нас съест.
Кот поднялся. Медведь испугался и свалился с верхушки дерева прямо на сук. Сук вонзился в медведя, и медведь сдох.
А волк с росомхой убежали в лес и теперь ходят они в лесу.

МАЛЬЧИК ИДЕ

Идэ остался сиротой, когда был маленьким. Взяла его к себе бабушка Имъял-Пая.

Вырос Идэ, но всего боялся. Никуда от бабушки не отходит, за бабушкин подол держится.

«Как отучить Идэ всего бояться, чтобы он на рыбалку ходил, на зверя ходил, смелым охотником стал?» — думала бабушка.

Был как-то урожайный на кедровые орехи год. Бабушка и говорит:

— Пойдём, Идэ, орешки собирать!

— Пойдём, бабушка!

Бабушка села в лёгкую лодку-долблёнку, усадила Идэ, положила ружьё, подтолкнула лодку — и поехали.

День был ясный. Солнышко светит. Тайга тихонько шумит. Тым-река от одной песчаной отмели до другой бежит. Приехали бабушка с Идэ, вышли на берег, поднялись на гору, пошли в тайгу.

В тайге птицы поют. Далеко слышно: кедровка стучит, орешки из шишек выбирает. Стали бабушка с Идэ орехи собирать. Кедровые высоко головы подняли, в ветвях шишки спрятали. Старая Имъял-Пая колотушкой по сучку ударит — шишки сами падают.

Полную лодку орехов насыпали, домой собрались, а бабушка одну берестяную кошёлку с орехами на горе оставила.

— Ох, Идэ, кошёлку забыли! Сбегай принеси! — говорит она.

Идэ на гору побежал. Видит: лежит кошёлка, а рядом ружьё.

Идэ с горы глядит: бабушка оттолкнула лодку от берега и уехала. Закричал Идэ, заплакал:

Зачем ты оставила меня, бабушка? Имъял-Пая даже не оглянулась ни разу — быстро гребла веслом, и скоро лодка совсем исчезла из виду.

Остался Идэ один в тайге. Начал по берегу бегать, искать, где бы спрятаться. Искал, искал — нашёл дупло. Залез в него, клубочком свернулся, лежит тихо, ружьё к себе прижимает.

Солнце спускаться стало, ветер подул, дождь пошёл. Тайга шумит, кедровые шишки падают, по дуплу стучат. Страшно Идэ. Думает: звери пришли, съедят его. Со страху кричать начал:

— Всего съешьте, только голову не троньте!

А его никто и не трогает. Только стук кругом идёт — шишки падают. Идэ ещё крепче ружьё к себе прижимает.

Сколько ни боялся Идэ, заснул всё-таки. Спал, спал — проснулся. Смотрит: светло стало, солнце высоко, птицы поют. Тайга тихонько шумит. Идэ ощупал себя. Цел ли? Левую руку протянул — здесь рука. Правую руку протянул — здесь рука.

Идэ из дупла выскочил, на ноги встал. Смотрит: кругом шишки. Ой, сколько шишек!

Стал Идэ шишки собирать и страх позабыл. Некого бояться!

Большую кучу шишек собрал Идэ, на берег посмотрел, видит: бабушка приехала. Идэ бабушке руками замахал, кричит:

— Зачем ты меня одного оставила? А бабушка ему отвечает:

— Не сердись, Идэ. Ты — человек. С тобой никто ничего сделать не сможет. Человек — везде хозяин. Теперь ты ничего бояться не будешь!

Подумал Идэ: «Правда бабушка. Не надо бояться».

Помирился Идэ с бабушкой. Опять стали они орехи собирать, полную лодку набрали и домой поехали.

Тым-река от песка к песку бежит. Высоко солнышко светит. Тайга тихонько шумит.

Хорошо!

С тех пор Идэ бояться перестал. Куда захочет — один идёт.

Так бабушка отучила внука бояться.

МЫШКА

Жила мышка. Настала весна, задумала мышка поехать осетров и нельм ловить. Вместо лодки ореховую скорлупку взяла, вместо весла-лопаточку для шпаклевки лодки серой.

Едет и напевает:

– Ореховая скорлупка-лодка моя: тел, тел, тел, лопаточка-весёлко мое: пол, пол, пол. У одной деревни ребята кричат с берега:

– Эй, мышка-норушка, подъезжай сладости поесть!

– Какие сладости?

– Со щукой.

– Нет, со щукой не ем.

И опять едет дальше, напевая:

– Скорлупка-лодка моя: тел, тел, тел, лопатка-весёлко мое: пол, пол, пол.

И опять у одной деревни ребята с берега кричат:

– Эй, мышка-норушка, приставай сладости поесть!

– Какие сладости? – С утиным мясом!

– Нет, с утиным мясом не стану есть.

И опять едет дальше, напевая:

– Скорлупка-лодка моя: тел, тел, тел, лопатка-весёлке мое: пол, пол, пол.

Долго или коротко ехала, снова в одной деревне ребята кричат:

– Эй, мышка-норушка, приставай сладости с икрой поесть.

– С какой икрой?

– С осетровой икрой.

– Ням, ням, ням, ням, еду отцов моих-с осетровой икрой буду, буду есть.

К берегу пристала, наставили ей еды с осетровой икрой.

И принялась мышка есть.

Ела, ела, ела, ела, даже живот круглым стал.

Тут закричали дети с улицы:

– Мышка, мышка-норушка, весло твое и лодку твою водой смыло.

Мышка вскочила, побежала на берег, споткнулась, упала в собачью яму, и лопнул ее живот.

– Девочки, девочки, – закричала мышка, – принесите иголку с жилами, принесите иголку с дратвой, живот мой лопнул!

Девочки прибежали быстро и зашили мышке-норушке дратвой и жилами живот. Поставили ее на ноги.

Мышка-норушка, шатаясь, пошла к своей скорлупке-лодчонке с лопаточкой-веслом, села и, грустная, поехала дальше, даже про песни забыла. И только лодочка ее поет: тел, тел, тел, и только весло ее поет: пол, пол, пол.

МЫШКА И ЛОСЬ

Бегала мышка по лугу и ела свежую сочную травку, Вдруг, налетел ветер, пошел дождь, мышка промокла и спряталась в траве. Вышел из леса полакомиться чистой травкой огромный лось с ветвистыми рогами. Бродил, бродил по лугу, щипал травку и. нечаянно вместе с травкой проглотил и мышку.

Сидя у лося в животе, мышка говорит:

– Точу-точу ножик, лося горло перережу, на волю выйду.

– Не режь мне горла, – лось говорит, – выйди через мой рот.

– У тебя рот слюнявый, – отвечает мышка. И снова кричать стала: -Точу-точу ножик, лося горло перережу, на свободу выйду!

– Не режь мне горла, выйди через мой нос, – попросил лось.

– Нет, нос твой мокрый... – И еще громче стала мышка кричать: -‘Точу-точу ножик, лося горло перережу, на свободу выйду.

– Не режь, – взмолился лось, – через отверстия ушей моих выйди! Нет, в твоих ушах сера! – И еще громче стала кричать мышка: -Точу-точу ножик, лося горло перережу, на волю выйду!

Так и перерезала, вышла на волю, содрала шкуру с лося.

Мясом лося наполнила семь амбаров, наполнила семь лабазов.

Мясо этого лося ел я, и ты, может быть, попробовал.

МЕДВЕЖЬЯ ТРАВА

Осенью один охотник ушёл на охоту. Ушёл, да так и не вернулся в чум. Его жена подумала, что он погиб где-нибудь в лесу. Ходила искать, но не нашла. Поплакала и вернулась к своим детям.

Прошла зима. На земле появилось много проталин. Стало тепло. В одно солнечное утро дети играли возле чума. Играли-играли, да как закричат:

— Мама! К нам отец из лесу идёт.

— Какой там отец? — сказала она из чума. — Ваш отец осенью потерялся. Откуда он может прийти?

— Нет, мама, это наш отец идёт!

Дети говорили правду.

Мать вышла из чума и встретила мужа.

— Где же ты был целую зиму? — спросила она.

Муж сел и начал рассказывать всё, что с ним было.

— Осенью, когда я ушёл на охоту, в лесу я встретил медведя. Стал его гонять. Пищи со мной было мало, я обессилел и не мог догнать зверя. Но я видел, что медведь ел какую-то траву. Я нашёл эту траву и думаю: медведь ест и сытый бывает, почему бы мне не поесть её? Я поел и стал сытым. Погнался опять за медведем. Наткнулся на берлогу. Посмотрел: берлога пустая, зверь приготовил её, но не стал в ней зимовать. Я хотел идти дальше, но не смог. От медвежьей травы меня бросило в сон. Голова падает. Куда пойдёшь? Я снял лыжи, поставил к дереву, повесил на сук ружьё, залез в берлогу, заткнул мхом вход, лёг на медвежью постель и уснул. Уснул осенью, а проснулся только весной. Вот какая сытная да сонная эта медвежья трава...

Какую траву ел охотник, он никому не показал. Но старики говорят, что в тайге такая сонная трава растёт и медведи знают её.

МАЧЕНКАТ

Давно это было. Жили брат с сестрой. Отца, матери не помнили, одни в тайге выросли.

Сестра дома пищу готовила, а брат зверя промышлял. Подошла охотничья пора — брат в тайгу собрался.

Брат сестре наказывал:

— Маченкат, если гости будут, ты хорошо встречай. Бурундучок придёт — накорми, сорока прилетит — тоже накорми.

Брат ушёл. Сестра из меха шубу шить начала. Работала, работала — ни сорока не прилетела, ни бурундучок не пришёл — медведица пожаловала! В дом вошла — поклонилась.

Маченкат испугалась, к печке подскочила, золы схватила — зверю в глаза бросила.

Медведица лапой прикрылась, заревела, по дорожке, по какой брат ушёл, побежала.

Время пришло — снег таять начал. Сестра брата ждёт. Сегодня ждёт и завтра ждёт. На край высохшего болота вышла. Видит: вихорь-снег вдали поднимается, будто брат идёт навстречу. Думает: «Сердится, видно, на меня брат!» Смотрит, а вихорь пропал, брата не видно. Пождала, пождала, повернула лыжи назад, пришла домой. Вечер прошёл, ночь прошла, а брата и утром нет.

Живёт Маченкат дальше. Снег совсем сходить начал. Снова она лыжи надевает, отправляется брата встречать. На болото вышла, опять то же видит: брат навстречу идёт, снег-вихорь вверх поднимается. Маченкат подумала: «Пусть сердится брат — пойду встречать!» Доходит до того места, где вихорь поднимался, а брата здесь нет, как не бывало. Лыжня, где он шёл, заровнялась, а по ней медведь прошёл. Сестра по медвежьему следу пошла. Дошла до края тайги — стоит нарта брата, а его нет нигде. Брат, видно, домой шёл, медведь его встретил. Сестра подумала: где искать брата?

...Вечером себе котомку сделала. Всю ночь не спала. Утром, только светло стало, на улицу вышла. Лыжу взяла, бросила к верховью реки. Лыжа катиться не стала, перевернулась.

«Туда дороги мне нет», — подумала сестра. Лыжу на низ бросила к устью. Туда лыжа покатила. Вот куда идти надо.

Маченкат на лыжи, выдренным мехом подбитые, встала, по тому пути, куда лыжа покатила, пошла.

Долго ли, коротко ли шла — вечерняя пора подходит, дрова заготавливать время настало. Переночевать надо. Маченкат пней гнилых натаскала. Для растопки пень берёзовый сломить надо. Сломала пень — из-под него лягушка выскочила.

— Какая беда! — лягушка закричала. — Ты мою избу сломала. Хочешь меня заморозить?

Девушка ей говорит:

— Сломала — поправлю, я ведь не знала, что тут твой дом...

— Давай вместе ночевать, — говорит лягушка, — сестрами будем. Я сейчас костер разведу, котелок вскипячу, ужин сделаю.

Занялась лягушка делом: гнилушки сыпет в котел. Девушка говорит ей:

— Не будем гнилушки есть. Мясо сварим. У меня запас есть.

Согласилась лягушка:

— Давай мясо есть.

Сварили ужин, поели. Легли спать. Утром лягушка говорит:

— Давай поменяемся на время одеждой и лыжами.

Девушка лягушкины лыжи-голицы надела, шубу дырявую надела, а лягушка её лыжи, мехом подбитые, и шубу взяла.

Пошла девушка в гору, а лыжи назад катятся. Никогда она не ходила на лыжах-голицах — падает. Насилу догнала лягушку.

Лягушка радуется:

— Ой-ёй-ёй! Какие лыжи у тебя! Под гору сами катятся, в гору сами идут!

Маченкат говорит:

— Ох, какие худые у тебя лыжи! На гору не могла вылезти на них. За снег хваталась — все руки поцарапала.

Тут они снова поменялись всем. Лягушка свою дырявую шубу надела, а девушка — соболиную шубку.

Лягушка говорит:

— Ты, девушка, для подружки ничего не жалеешь. За это я, срок придёт, отплачу тебе.

Сварили они обед. Поели. Пошли в свой путь.

Долго ли, коротко ли шли, слышат, где-то лес рубят. Они ближе подходят. Видят, люди город большой строят. Лягушка сказала девушке:

— Сейчас нас женихи встретят. С золотыми подвязками мой жених будет, с ременными подвязками — твой жених.

Девушка лягушке отвечает:

— Что ты, сестричка, говоришь? В незнакомый город пришли, какие здесь женихи нам с тобой?

К берегу подходят, а два парня — навстречу к ним: одного звать Кана, другого — Колькет.

Кана — человек умелый был, знает всё и всё может сделать. Девушка смотрит на Кана. На нём золотые подвязки. Кана к лягушке подошёл, поклонился ей, на плечо руку положил, и тут она в девицу-красавицу превратилась.

Колькет подошёл к Маченкат, поклонился ей. Глаза голубые улыбаются, кудри вьются кольцами.

Колькет девушку Маченкат за руки стал брать:

— Я давно тебя ждал.

Она руку отдернула:

— Что ты! Никто меня сроду за руки не водил. Сама я сюда пришла, и на гору сама тоже пойду.

Колькет всё-таки помог на гору взойти. Им люди навстречу вышли, много народу. Утром стали свадьбу готовить, столы поставили. Весь народ на праздник собрали. Пир был большой.

Долго ли, коротко ли жили — снег растаял. С реки лёд унесло.

Маченкат говорит Колькету:

— Надо съездить на родную сторону, брата родного поискать.

Собрались Колькет с женой и Кана со своей женой. Сделали лодку крытую. На родину Маченкат поехали по реке. Кана говорит:

— Всё равно найдём его. Пока своего не добьёмся — искать будем.

Много ли, мало ли ехали, вдруг увидели они — несёт по реке щепки свежие. Подумали: «Кто щепки нарубил?». Ещё немного проехали, увидали — на вершине кедра сидят маленькие медвежата, делают кедровые шишки.

Слышат — спорят медвежата. Большой говорит: «Я свои шишки тёте отдам», а маленький говорит: «А я дяде отдам». Потом с кедра скатились на землю, к берегу подбежали, об землю ударились — ребятишками стали. Закричали:

— Дядя! Тетя! Нас в лодку посадите!

Кана говорит:

— Однако, нашли мы твоего брата, Маченкат.

Посадили ребят в лодку, поехали дальше. Вот старший говорит:

— Тётя, мама сильно рассердилась, когда услышала, что ты едешь. Отец не сердится. Он дома вас будет встречать, а мама медведицей обернулась. Ты только не бойся, подходи. Что у тебя есть, с тем и кланяйся ей.

Увидели они дом на берегу — брат Маченкат у входа их встретил. Обрадовался, всех в гости позвал. Вскоре в избу вошла медведица.

Маченкат вынула шёлку большой кусок, медведице поклонилась: «Прости меня», — сказала и шёлком накрыла её. Медведица на улицу вышла. Стряхнула с себя шкуру — женщиной стала. В избу вошла, словами не рассказать — какая красавица. От волос и бровей будто серебро сыплется. Тут они помирились, поцеловались. Смотрит Маченкат: у жены брата одна щека обожжена. Догадалась Маченкат, говорит ей:

— Разве я бросила бы золу в тебя, если бы знала? Брат наказывал: бурундучок придёт — накорми, сорока прилетит — накорми. А ты не бурундучком, не сорокой — медведицей пришла.

Брат сказал ей тут:

— Есть в тайге закон: кто другом в гости придёт, всегда хорошо встречай! На дружбе — мир держится.

Тут начался у них пир. Сухари из мяса были, оленина была, сало лосиное было.

Долго пировали.

НАРТЫ С ЗОЛОТОМ

Собрались три охотника на охоту. Долго ли, коротко шли, до ночлега дошли. Стали искать спички, а спичек ни у кого не оказалось.

Один из них говорит:

– Влезайте на деревья; где огонь увидите, туда и пойдем. Влез один из них, смотрит – в одном месте огонь виднеется.

– Ну, сходи, принеси оттуда огня. Другой пошел к тому месту, где огонь был виден. Пришел туда; оказывается, какой-то старик огонь развел.

– Ну, дедушка, здравствуй!

– Здравствуй, здравствуй, внучек! Ты с какой нуждой– бедой ходишь?

– С какой нуждой-бедой хожу? Наши жены не позаботились об огне для нас, я пришел огня просить.

– Внучек, мой огонь дорогой, бесплатно не дам: расскажи семь веселых сказок – дам огня.

Постоял-постоял охотник и ушел к своим товарищам. Пришел туда и говорит:

– Дед своего огня бесплатно и дешево не дает. Говорит другому охотнику:

– Пойди ты, может-тебе даст.

Вот человек этот пошел, пришел туда. Старик стоит.

– Здравствуй, дедушка!

– Здравствуй, здравствуй, внучек!

– Дедушка, я огня попросить пришел. Дашь или нет огня?

– Мой огонь дорогой и платный, так не дам. Расскажешь семь веселых сказок дам.

– Я не умею рассказывать. Да где мне взять семь веселых сказок?!

Пошел к ночевью. Говорит двум своим товарищам:

– Дед говорит: если расскажу семь веселых сказок, даст огня; не расскажу – не даст. Младший из них говорит:

– А ну, я пойду! Пришел туда, старик сидит и подтапливает.

– Дедушка, наши жены не позаботились об огне для нас. Дай нам огня.

– Мой огонь дорогой, платный. Если расскажешь семь веселых сказок – дам.

Тот и начал:

За все лето я набил полный мешок комаров и полный мешок мошкары, потом набил полный мешок оводов. И стал я их продавать. Один комар-лошадь и корова, одна мошка-лошадь и корова, один овод-лошадь и корова.

Потом стал убивать коров. Сколько убью – кожи их на ремни режу.

Резал-резал, стал обдирать шкуру с последней коровы, а она вскочила и побежала...

– Дедушка!.. Смотри, небо сейчас свалится!..

Тут старик превратился в кучу золота.

Привел младший охотник туда своих товарищей, наполнили свои нарты золотом и уехали.

СТАРИК И МЕДВЕДЬ

Жил дедушка. Он поймал маленького медведя. Притащил его домой, стали вместе жить. И вот медведь большой стал. Однажды медведь рассердился. Старик испугался и подумал: «Сейчас медведь на меня налетит».

Медведь перепрыгнул костер и выбежал на улицу, там с другим медведем подрался. Старик тоже выбежал и кричит:

— Сынок, отойди!

Старик выстрелил в того медведя, говорит своему:

— Иди домой.

Старик с медведя шкуру снял и потом мясо стал есть. Он разбудил своего медведя:

— Теперь ты ешь.

Они жили, жили, и как-то раз старик сказал медведю:

— Иди куда хочешь.

Привязал к руке цепь и добавил:

— Люди будут в тебя стрелять, руку подними.

И он ушел и лежит в берлоге. Охотники пришли, стреляли, он руку поднимал все время. Пять рогатин сломал.

ТРИ СНОХИ

В Малой Сосье жили старик со старухой. Был у них сын. Все, живущие на Малой Сосье, – охотники на красного и черного зверя. Малыш вырос и начал тоже охотиться.

Однажды сели они обедать. Старуха завела разговор:

– Старик, мы с тобой состарились. Сын наш вырос и начал охотиться, ходить по лесам, ездить по водам. Надо искать ему жену.

Старик говорит:

– Здесь нет подходящих невест. Ты ведь сама знаешь, что мы живем на людной дороге, у нас много бывает проезжих снизу и сверху. Приедет хороший гость, плохая невестка ни еду приготовить, ни питья запастись не сумеет. Я так думаю: в Шеркалах живет один купец, у него есть дочь. Его дочь и сосватаем.

– И правда, так ладно будет, – говорит старуха. Как сказали, так и сделали. Съездили в Шеркалы, сосватали купеческую дочь. Приехали домой и стали жить-поживать.

Купеческая дочь готовит еду, приготовляет питье. Долго ли, коротко ли так жили, однажды после обеда старик говорит снохе:

– Ну, сношенька, дочь купеческая, приготовила бы ты мне деревянный котел.

Задумалась купеческая дочь: что за деревянный котел, и как его делают?

Старик сидел-сидел и говорит:

– Сноха, дочь купеческая, слышишь или нет? Приготовь мне деревянный котел.

Сноха, дочь купеческая, говорит:

– Откуда мне знать, как делается этот деревянный котел? Рассердился старик, вскочил и говорит:

– Не надо мне такую сноху, которая не умеет ничего делать!

И прогнал свою сноху, дочь купеческую. Опять стали жить втроем.

Много ли, мало ли жили, однажды сели обедать. За обедом старуха говорит:

– До каких же пор сын наш будет так ходить? Мы скоро совсем состаримся, надо подыскать ему жену. Старик рассуждает:

– Что пользы взять плохую? Брали купеческую дочь. Купеческая дочь не сумела ужиться. Я думаю, надо посватать дочь городского боярина.

Поехали опять в Шеркалы, сосватали боярскую дочь. Приехали домой, стали жить-поживать. Боярская дочь еду готовит, питье припасает.

Долго ли, коротко ли так жили, однажды после еды старик и говорит:

– Ну, сношенька, дочь боярская, сделай-ка мне деревянный котел.

Боярская дочь задумалась: как сделать деревянный котел? А старик сидел-сидел и говорит:

– Сноха, дочь боярская, я тебе по-хантыйски говорю, сделай мне деревянный котел.

– Да откуда мне знать, как этот деревянный котел делается? Вскочил старик и говорит:

– Не надо мне такую сноху, которая не умеет ничего делать!

И прогнал свою сноху, дочь боярскую. Много ли, мало ли времени прошло после этого, однажды старуха говорит старику:

– Ну как, старик, до каких пор наш сын будет без жены ходить? Мы умрем, – как он один будет жить? Старик говорит:

– Э, старуха, как хочешь, я теперь в окрестности не знаю, кого взять... Сосватали купеческую дочь, не смогла ужиться, взяли боярскую дочь, тоже не вытерпела.

Старуха говорит:

– Нечего нам искать невест из богатых мест. Вот, здесь у нас, на берегу, у спуска к охотничьему амбару, живет девушка-сиротка.

Старик отвечает:

– Как хочешь, как тебе нравится.

– Если захотят прожить свой век по-хорошему, то и так проживут, – говорит старуха.

Поговорили, посудили, позвали сына.

– Сынок, – говорит мать, – мы опять задумали искать тебе жену. Решили теперь взять местную. Подойдет тебе сиротка-девушка, которая живет у спуска к амбару?

– Вам лучше знать, какая сиротка у вас уживется. – Мать сходила, уговорила сиротку-девушку, – и мигом справили свадьбу.

Отпировали и стали жить-поживать. Сиротка готовит еду, запасает питье. Долго ли, коротко ли жили, вот старик после обеда сел на нары и сказал:

– Ну, сношенька-сиротка, сделай мне деревянный котел. Сноха вскочила, достала из-под подушки кисет и трубку с табаком, прикурила ее и поднесла старику.

Старик стал покуривать. Выкурил трубку и говорит:

– Ну, сношенька моя, сиротка, будь всегда такой мудрой, такой смышленной. Пусть у вас с мужем никогда не выводится ни еда, ни питье.

Стали жить, поживать. Долго ли, коротко ли живут, настала осень.

Старик говорит:

– Ну, сынок, надо приготавливать нам с тобой охотничье снаряжение.

Неделю, две ли недели собирались, готовились, наконец погрузились и тронулись в урман. Стали тащить нарты. Долго ли, коротко ли тащили, наконец дошли до охотничьей избушки.

Начали кружить по лесам и водам; каждый день черного и красного зверя приносили.

Однажды они охотились далеко от избушки. Старик устал, идти ему тяжело.

– Сынок, – говорит старик, – сделай короткой длинную дорогу. Так, усталые, когда мы дойдем?

Сын думал-думал – не знает, что делать. Наверно побьет меня, – думает он и шагает молча, опустив голову.

– Сынок, – снова говорит старик, – я тебе по-хантыйски говорю: сделай короткой длинную дорогу!

– Да откуда мне знать, как длинную дорогу делать короткой?

Старик рассердился и давай колотить его посохом.

– Такой-сякой, если будешь таким неповоротливым, пропадешь совсем.

Сердито бормоча, старик ушел. Сын, морщась от боли, пошагал до избушки. Долго ли, коротко ли охотились после этого, осень прошла, отправились они домой.

Пришли домой. После долгой охоты лежат, отдыхают. Говорит сын своей жене-сиротке:

– Когда мы охотимся, отец заставляет меня сделать длинную дорогу короткой. Я не знаю, как это сделать, он меня бьет за это.

– Эх ты, родился мужчиной и не знаешь такого пустяка. Это он тебя петъ заставляет, чтобы путь коротким казался.

Долго ли, коротко ли жили, пришла другая осень. Опять собрались идти в урман. Подготовились, собрались, погрузили нарты и потащили. Пришли к охотничьей избушке, начали охотиться: черного и красного зверя приносят каждый день.

Однажды очень далеко зашли. Вечером стали возвращаться домой, старик так устал, что еле ноги тащит.

– Ну, сынок, – говорит старик, – сделай короткой длинную дорогу!

Сын запел: кончится короткая песня, начинается длинную, кончится длинная песня, начинается короткую. Так с песнями, смеясь и шутя, сын и отец не заметили, как к избушке пришли, – ни усталости, ни голода не чувствовали.

Приготовили поесть. За едой отец говорит:

– Вот, сынок, так и надо жить. Придут мрачные мысли, мрачные думы, шаг твой начнет сбавляться, и глаза твои не будут видеть, между каких деревьев тебе надо пройти. Чтобы сбросить с себя мрачные мысли, нужно песней развеселить себя. Начнешь веселую песню, не заметишь с нею, как время пройдет, не заметишь, как дело сделается.

Хороший охотник всегда веселит себя песней.

ЯГОДКА, КЛЮКВА И СЕНО

Ягодка, клюква и сено живут.

Клюква с ягодкой всегда работают, а сено все лежит.

И вот они подумали: «Завтра полежим, что сено будет делать?»

Утром лежат. Сено где-то под вечер встало, огонь зажгло и сгорело.

Клюква хотела подбежать и лопнула.

Ягодка бежит и смеется. И тоже лопнула, живот лопнул.